

**«ЦЕНТР ИЛИ ПРОВИНЦИЯ?»
ОБЛАСТНИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ В СИБИРСКОЙ ПЕЧАТИ
1870–1880-х ГОДОВ**

В статье анализируется материал общероссийской полемики о роли и месте провинциальной печати и отклик на нее сибирской прессы конца XIX в., позволяющий оценить вклад сибирских журналистов в осмысление процессов становления местной печати. Дается обзор основных публикаций, выявляются моменты формирования проблемного поля областнической концепции в сфере печати.

Ключевые слова: журналистика, Сибирь, региональное самосознание.

Актуализация вопроса об особенностях Сибири и роли провинциальной прессы в 1870–1980-х гг. была связана прежде всего с оживлением общественной мысли в России после отмены крепостного права. Сибирская областническая дискуссия была непосредственным откликом и продолжением полемики общероссийского масштаба, начало которой было положено публикацией Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции» в журнале «Дело» (1875. № 9–10).

В объемном исследовании видный столичный журналист, «основываясь на анализе современного состояния провинциальной печати и констатируя ее малое значение в жизни страны», выдвинул «теорию централизации»: согласно ей, «печать, как и цивилизация XIX в. вообще, должна непременно сосредотачиваться лишь в крупных государственных и мировых центрах» [Очерки..., 1965. С. 264]. Приводя многочисленные примеры из мирового опыта, Мордовцев делает вывод о том, что провинциям угрожает «монополия крупной единицы», «теория больших городов», и печать также «неизбежно должна пойти туда, куда поведет ее человек, а человека неотразимая сила влечет из “глуши”, из “деревни”, из “Саратова” к центрам, к большим городам, и влечет с поражающей быстротой. Ясно, что и печать вместе с человеком будет тяготеть к центрам, городам, а провинции должны

оставаться вдовствующими во всех отношениях» (Дело. 1875. № 9).

Материал Дм. Мордовцева важен не только как своеобразная «точка отсчета» развернувшейся дискуссии о положении и роли провинциальной печати, но и как своего рода фокус, в котором сведен воедино целый ряд проблемных моментов, с этого времени так или иначе обсуждавшихся в печати.

Во-первых, Мордовцев не только констатировал подчиненное положение российской провинции по отношению к центру, но и выдвинул идею необходимости «известного равновесия» между ними: только в этом случае «возможна жизнь и тех, и других, а развитие или упадок последних неизбежно должен отражаться самым роковым образом на первых, и притом в несравненно большей степени, чем упадок первых: центры, не питаемые провинциями, неизбежно погибнут, несмотря на все сокровища свои, несмотря на все собранные в них силы ума, таланта и творчества, тогда как провинции, и не будучи питаемы духовною пищею и продуктами творчества центров, еще могут продолжать свое скромное существование, и продолжать его до бесконечности, хотя бы центры и погибли окончательно» (Там же).

Вторым существенным моментом, который вызвал самое бурное обсуждение среди

деятели печатного слова, явилась попытка классификации провинциальной печати: Мордовцев делит ее на «фракции», кратко характеризуя деятельность участников «фракций» и те проблемы, которые он видит в существовании этих группировок. Выделение «сибирской фракции провинциальной печати», так же как и нижегородской, среднеазиатской, кавказской, северо-западной, новороссийской и др., позволило представить себе общий «ландшафт» российской периодики, включающий в себя не только печать двух столиц и безликой «провинции»: провинция обрела границы, наполнилась голосами своих многочисленных представителей и оказалась весьма разнообразной.

Наконец, Мордовцев сформулировал «скромные задачи провинциальной печати» – «чуждые всяких политических и иных тенденций: изучать жизненные нужды страны, доводить о них до всеобщего сведения, стараться поставить население в возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцию с центрами, с большими городами» (Дело. 1875. № 10).

Как свидетельствуют исследователи, «теория Мордовцева сразу же вызвала единодушный отпор со стороны столичных периодических изданий. “Отечественные записки”, “Голос”, “Санкт-Петербургские ведомости” и многие другие газеты и журналы отметили путаность и неубедительность аргументации Мордовцева. Особенно настойчиво высказывала свое несогласие с законом централизации народническая “Неделя”» [Очерки..., 1965. С. 264]. В провинции же статья Мордовцева породила настоящую волну разнообразных выступлений: «...пожалуй, не было журнала и газеты, даже в самом отдаленном конце России, которые не выразили бы энергичного протеста против “засилия столичной прессы”, против “централистов”» [Там же]. Сущность откликов провинциальных журналистов сводилась к тому, что они «увидели в выступлении столичного публициста ущемление прав провинции и принижение возможностей областной печати», и поэтому «отстаивали свое право на существование», «доказывали жизненную важность провинциальной журналистики, без которой и столичная пресса обречена на гибель» [Там же. С. 265]. «Смерть провинции или нет?» – под таким характерным названием было опубликовано

в Нижнем Новгороде «открытое письмо Д. Л. Мордовцеву», написанное известным деятелем А. С. Гациским.

В Сибири оппонентом Мордовцева выступил известный путешественник, общественный деятель, один из идеологов сибирского областничества Г. Н. Потанин. В газете «Сибирь», являющейся к этому времени самым крупным частным сибирским изданием, он опубликовал статью «Сибирская фракция писателей по г. Мордовцеву» под псевдонимом «Авесов» (Сибирь. 1876. № 5, 6).

Потанин критикует Мордовцева за «поверхностное знакомство с провинциальной жизнью», за «легкое отношение к затронутому вопросу», что привело столичного журналиста к фактическим ошибкам. Уже «рассаживая литераторов» по провинциальным фракциям, Мордовцев «руководствуется слишком внешними, случайными признаками», и это приводит, по мнению Потанина, к настоящим «курьезам»: «он выдумывает северную фракцию», образуя «какую-то самозваную группу северных областников из людей, совершенно чуждых области»; «точно так же без всякого основания г. Мордовцев основал фракцию кавказскую и средне-азиатскую», и в итоге «из шести фракций г. Мордовцева остаются только три, действительно существующие: южно-русская, фракция Нижегородского Поволжья и сибирская. <...> Есть еще фракция, которая также имела бы право на наименование – это донская, но она почему-то опущена г. Мордовцевым» (Сибирь. 1876. № 5).

Наиболее подробно Потанин останавливается, что вполне естественно, на анализе сибирской фракции. Мордовцев охарактеризовал ее в своей статье следующим образом: «Хотя по богатству и разнообразию сил, которыми одновременно располагала и располагает эта фракция, она и может считаться одною из самых крупных фракций провинциальной печати, однако, к сожалению, силы ее никогда не были сосредоточены, потому что не имели ни нравственного, ни топографического центра, около которого, как силы поволжско-нижегородской и северной фракций, могли бы группироваться и оставлять прочные, систематические следы этой коллективной работы. Все литературные силы этой фракции разбросаны по разным концам Сибири и России, и более

выдающиеся из них, также под давлением беспощадного закона центростремительной силы, можно сказать, почти все поглощены большими городами, втянуты в интеллигентные и литературные центры. Остальные же силы, не находя своего центра, невидимо почти для остальной России приютились то в местных “Губернских” и “Епархиальных ведомостях”, то в местных “Памятных книжках”, и следы их работы, по своей разбросанности, почти окончательно исчезают; так что для того, чтобы знать, что сделала сибирская фракция, необходимо предпринимать особое ученое исследование, как бы вновь все изучать, относящееся до Сибири, по неизданным источникам и при помощи личных наблюдений и изысканий» (Дело. 1875. № 10).

Против этой характеристики Потанин не возражает, но он заостряет внимание читателей на списке участников сибирской фракции, указывая, что здесь «много имен совершенно излишних, например Головин, Ровинский, Романов, Сулоцкий, Тихманов», и в то же время «опущены Словцов, Мордвинов, Ершов, Наумов и другие». Осмысленное вклада сибиряков в литературу и журналистику позволяет Потанину поставить вопрос о том, кого же считать «сибирским писателем», выдвинуть критерии писателя-областника, в противовес поверхностному, «тематическому» подходу Мордовцева: «...достаточно, если писатель писал о севере, что он попал в северную фракцию». Для Потанина же в первую очередь важно «отношение писателя к области, о которой он пишет»; главная идея писателя-областника – «вызвать внимание жителей области к самим себе и к своим интересам, пробудить в области умственную жизнь; только такой писатель может быть назван местным писателем и только такие-то писатели одни и могут быть занесены в те фракции, которые понаделал г. Мордовцев» (Сибирь. 1876. № 5).

«Путаницей» отличаются, по мнению Потанина, и «теоретические соображения» публициста. Анализируя концепцию Мордовцева относительно концентрации капитала и знаний в центрах, при этом соглашаясь с тем, что «провинциальная печать призвана противодействовать дальнейшему ходу в этом направлении; она должна поднять вопрос о более равномерном распределении благ жизни по областям; местная

пресса области должна стараться удержать богатства и местную интеллигенцию от абсентеизма и предостеречь свой край от окончательного запустения» (Там же. № 6). Более того – Потанин напоминает, что «почин постановки местной литературной деятельности на этот путь принадлежит сибирской фракции, она первая заговорила о постепенном запустении края вследствие абсентеизма капитала и таланта; об отсутствии местного рынка фабрикатов и экономической зависимости от московского мануфактурного округа» (Там же). Вслед за сибиряками вопросы «умственного и экономического абсентеизма» подняли и деятели южно-русской фракции, и сам Мордовцев в своем материале о Поволжье.

Останавливаясь на формулировках Мордовцева относительно задач провинциальной печати, Потанин соглашается с ними, добавляя, что это «задача трудная; тем не менее, коль скоро положение, против которого провинциальная пресса выступает, признано не нормальным, отступать от ее решения нельзя» (Там же). И поэтому сибирский публицист считает, что Мордовцев противоречит сам себе, объявляя, что в будущем провинциальную печать ждет «полное фиаско», что «современный строй общественной жизни неблагоприятен для развития провинциальной прессы», и вообще «рост больших городов, движение общества к централизации, еще не закончилось, так что появление провинциальной прессы, как будто, не своевременно» (Там же).

Причины довольно эмоциональной реакции провинциальной печати на статью Мордовцева Потанин раскрывает в последней части своего материала, анализируя положение провинциального журналиста, который «видит кругом себя совершенную пустыню, полное отсутствие общественной и умственной жизни» и «основывает газетку, чтобы внести в свой край свет гласности, пробудить в немом обществе интерес к своей обстановке». При этом «провинциальному журналисту ставят на вид множество препятствий, под гнетом которых он должен пасть: цензурные условия, отсутствие денежных средств, отсутствие в местном населении желания знать свои нужды, наконец монополию знания и богатства, установившуюся за центрами, которая все более и более возрастает; провинциальному журналисту говорят, что жизнь стремится от окраин

к центрам, а не наоборот». Осознавая все эти трудности, нестоличный журналист ожидает прежде всего нравственной поддержки от видных собратьев по перу, от передовых деятелей печати: «...его поддерживает сочувствие его друзей и вера, что и в петербургской журналистике за него будет голос тех, кто ценит горячее стремление скромного труженика» (Сибирь. 1876. № 6).

«А теперь, – пишет Потанин, – представьте фигуру этого провинциального журналиста, по голове которого петербургский бойкий журналист хлопнул своей фанфаронадой о больших городах, о жизни, текущей от окраин к центрам, о складывающемся общественном строе, угрожающем поглотить скромного провинциального журналиста. Он стоит, ошеломленный, с растопыренными руками, с широко раскрытыми глазами. Того ли он ждал от своего обрата, облеченного в авторитет?» (Там же). Многие положения «централистов» были хорошо известны в России и раньше – поэтому, возможно, наиболее острую реакцию вызвало не само содержание статьи, а именно обнаружившееся отсутствие поддержки провинциалов со стороны ведущего демократического органа, журнала «Дело», близкого по направлению к «Отечественным запискам» в 1870–1880-е гг.

Однако дискуссия между «централистами» и областниками в сибирской прессе на этом не закончилась. Она продолжилась пять лет спустя, уже в начале 1880-х гг., и оживление ее было вызвано появлением в Томске первого частного издания – «Сибирской газеты» (1881–1888), которую основал известный сибирский предприниматель, владелец первого в Сибири книжного магазина, книготорговец, общественный деятель П. И. Макушин. В редакцию нового органа печати вошли представители местной сибирской интеллигенции: преподаватель Томского реального училища А. И. Ефимов; ссыльный поляк, помощник ревизора Томской контрольной палаты А. М. Войцеховский; бухгалтер Томского отделения Государственного банка И. Г. Муромов, а также известный путешественник, публицист, общественный деятель А. В. Адрианов, близкий друг идеологов сибирского областничества Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, разделявший их взгляды, и сын знаменитого русского журналиста, сосланный в Томск

по уголовному делу, юрист, бывший издатель столичной ежедневной газеты Е. В. Корш, на первых порах также заинтересовавшийся взглядами «сибирефилов». Газета практически сразу же стала проводником взглядов сибирских областников по многим вопросам местной жизни, и в особенности относительно роли местной сибирской печати.

В передовой статье «От редакции», открывающей первый номер первой томской частной газеты, констатировалось признание необходимости местной, провинциальной прессы: теперь, в отличие от середины 1870-х гг., «она признана столичной печатью, в которой раздаются горячие голоса в ее защиту, и доказывается возникновением в настоящем году многочисленных изданий в разных местах России. Русское общество все более и более проникается убеждением в неотложной необходимости тщательного и всестороннего изучения народного и общественного быта, орудием которого должна сделаться печать». Редакция подчеркивает, что «эта громадная работа не может быть по силам одной столичной печати», хотя «ее заслуги перед русским обществом неоспоримы и велики: она сделала возможным зарождение местной печати, воспитав в читающем обществе потребность в книге, в газете, и она будет первенствовать также естественно, как первенствуют в стране крупные центры политической, общественной и научной жизни». Но этого недостаточно, ведь «с развитием местной жизни, с умножением читающего и думающего люда в провинции», столбцы столичной прессы «становятся тесными для массы фактов, выдвигаемых действительностью»; «все, что появляется из провинции в столичной печати, имеет характер отрывочный, случайный: это – или необычайные происшествия, или общие и неопределенные итоги. Для местного читателя сведения эти почти ничего не дают; читая газету, он все-таки живет главным образом Петербургом или Москвою...» (Сибирская газета. 1881. № 1).

Выход редакция видит в развитии местной печати и следующим образом формулирует цели нового органа печати: «...непрерывно наблюдать движение местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес местного же общества, указывать в ней такие стороны, над которыми с любовью могли бы работать молодые силы, наконец, способствовать всеми силами прояв-

лению на месте самостоятельной умственной жизни» (Сибирская газета. 1881. № 1). Отметим «переключку» этих формулировок и фраз из материала Мордовцева («изучать жизненные нужды страны», «стараться поставить население в возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцию с центрами»), что свидетельствует о сходстве понимания первоочередных задач, стоящих перед провинциальной печатью, со стороны как столичных, так и местных деятелей печати.

В первый год издания «Сибирская газета» также напоминает своим читателям о дискуссии 1875–1876 гг. в материале «Центр или провинция?» (Там же. № 40), который актуализирует нерешенную проблему противостояния российского центра и окраин. Исследователи объясняют это явление применительно к литературному процессу следующим образом: «Концепт “провинции” и “провинциальности” (встречающийся, кстати, далеко не в каждой стране) порождается исторически сложившейся сверхцентрализованностью Российского государства. <...> В результате возникает ситуация, когда друг другу противостоят не два равноправных полюса, но единственный центр и “задавленная” им окраина» [Анисимов, 1998. С. 12]. В этих условиях многие проблемы российской жизни неизбежно «упирались» в вопрос: бросить все силы на развитие центров, не «распыляя» их по многочисленным провинциям, или все-таки выбрать приоритетом окраины?

В анализируемой статье поводом к разговору также стал вопрос, возникший «в среде сибирской молодежи, получающей высшее образование в Петербурге»: «Где, по окончании курса, с большею пользою для родины, можно приложить и свои силы, и свой труд – в центре, т. е. в Петербурге, или же непосредственно на родине?» (Сибирская газета. 1881. № 40). Такая постановка вопроса, отмечает автор материала, имеет огромное значение для всей провинциальной молодежи, и задают его себе не только сибиряки, но и вятичи, и саратовцы, и владимирцы, а решение его «отразится в будущем на провинциях в сторону их оживления или упадка, смотря по тому, которая из традиций возьмет перевес – централистская или областная». Размышляя об этой проблеме, «Сибирская газета» считает «не лишним напомнить нашим читателям лите-

ратурный спор, возникший в 1875 году между областниками и централистами о значении провинциальной печати» (Там же).

Суть этой дискуссии передается газетой следующим образом: «Централисты (наиболее рьяный г. Мордовцев), старались доказать, что провинциальная печать не может существовать. Все, что есть талантливого, дельного, богатого знаниями, говорили они, стремится покинуть провинцию и направляется в Петербург, где открываются широкие горизонты для мысли, обширное поле для деятельности. Сравнительно с провинцией, Петербург, видите ли, со своей лихорадочной политической, общественной и литературной жизнью неудержимо несется вперед и не дает погаснуть таланту; напротив, он захватывает в своем шумном, прогрессивном движении всех, жаждущих деятельности и предоставляет им массу средств для всестороннего развития» (Там же).

«Защитникам областной самостоятельности» в этом отношении совершенно нечего было «противопоставить такой блестящей, полной умственного движения жизни»; но и то положение, при котором центр призван «пользоваться всеми благами цивилизации на счет провинций», газета отнюдь не считает совершенно нормальным. И в качестве аргумента в защиту провинций сотрудники редакции приводят цитаты из уже упомянувшегося «открытого письма Д. Л. Мордовцеву» А. С. Гациского «Смерть провинции или нет?», которое, судя по сноске в тексте, было издано в Нижнем Новгороде в 1876 г. Этот текст имелся на руках у сотрудников редакции – возможно, у А. В. Адрианова, который как раз во время «первой волны» дискуссии был студентом Петербургского университета: в 1874 г. он поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, а в 1875 г. перешел на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил в 1879 г. В Петербурге Адрианов познакомился с Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым, которые к тому времени уже вернулись из ссылки по делу «о злоумышленниках, возымевших намерение отделить Сибирь от России и основать в ней республику на манер Северо-Американских Соединенных штатов» (1865–1868 гг.). Двадцатилетний Адрианов вместе с ними участвовал в обсуждении «проклятых сибирских вопросов» и выработке областни-

ческой программы и, конечно, хорошо знал о противостоянии областников и столичных «централистов».

«Сибирская газета» цитирует слова Гацинского, которые и в 1880-х гг. не теряют своей актуальности: «Мы протестуем только против поглощения провинций одним центром... против непризнания за провинцией ее человеческих прав, мы, наконец, протестуем, потому что в самой жизни видим основания для своего протеста. <...> Мы даже не требуем никакой помощи активной, мы желали бы помощи отрицательной, чтобы нам не мешали... Едва ли подлежит спору, что даже самое сильное правительство не в состоянии совладать с мертвящими, парализующими все его благие действия, последствиями чересчур сильной централизации: при нем в столице могут быть собраны все гении страны, и все-таки деятельность их, хотя бы и самая напряженная, будет бесплодна» (Сибирская газета. 1881. № 40).

Сотрудники томской газеты подчеркивают, что «все, сейчас нами приведенное, говорилось и писалось в 1875–76 годах по поводу провинциальной печати»: с тех пор прошло 6 лет, но условия существования провинциальной печати не изменились. Однако изменилась сама печать: «...она сумела в эти шесть лет завоевать себе известное, довольно прочное положение, сумела, несмотря на разные препятствия, поднять свой голос в защиту местных, областных интересов, а серьезно и основательно разработкою местных вопросов, обратила на себя внимание даже таких гордых своим исключительным положением централистов». Оживление издательской деятельности в Сибири происходило на фоне общественного подъема и в области школьного дела, и повышения спроса на книги и газеты, к тому же «появляется критическая оценка явлений окружающей действительности, заявляются новые требования...» И здесь «Сибирская газета» возвращается к вопросу, который и послужил поводом к разговору: так где же молодому человеку начать работать после обучения? Конечно, в провинции: «...теперь именно нужнее, чем когда-либо, люди знания, которые бы без корысти отдали себя на служение обществу в тех сферах жизни, где деятельность людей знания необходимее», «...везде потребуются помощь людей зна-

ния, потребуются руководители, бескорыстно, горячо преданные делу» (Там же).

«Лично для каждого, конечно, *приятнее* (курсив «Сибирской газеты») оставаться в центре готовой цивилизации, чем ехать в глушь, на трудную, полную лишений работу пионером этой самой цивилизации, хотя бы даже и в родном краю; но раз вопрос ставится принципиально, так личным вкусам, эгоистическим стремлениям не должно быть места», – считает «Сибирская газета».

Областнический пафос, которым проникнута статья, характерен для многих материалов «Сибирской газеты». Необходимо заметить, что с 1882 г., с приходом в редакцию народника, известного поэта Ф. В. Волховского, который привлек к сотрудничеству многочисленных политических ссыльных, идеология «Сибирской газеты» претерпела некоторые изменения. В рамках одного издания с этого времени работали сотрудники-сибиряки, приверженцы «местного патриотизма», и политические ссыльные, преимущественно народнического направления (Д. А. Клеменц, С. Л. Чудновский, Г. А. Мачтет и др.). Проблема такого «симбиоза» многоаспектна. По замечанию Крутовского, «большинство “политических”, интересовавшихся Сибирью и серьезно изучавших ее, не теряя своих идеалов, незаметно подпадали под влияние областничества» [Крутовский, 1912. С. 291]. Тем не менее проблема противостояния «централистов» и областников на какое-то время отошла на «задний план», уступив место разработке местных вопросов, дискуссии о сущности народничества, «университетскому вопросу» и другим проблемам.

Таким образом, дискуссия о роли и месте сибирской печати может быть рассмотрена в контексте общероссийской дискуссии 1970-х гг. между «централистами» и областниками, что дает основание говорить о развитии сибирской областнической мысли не как изолированной и уникальной, а обусловленной объективными тенденциями становления российского общества при вхождении в эпоху развитого капитализма. Повышение роли российских провинций во второй половине XIX в. сопровождалось процессами осмысления их своеобразия, зарождением местного «областного» самосознания. Сибирь находилась в центре этих сложных общественных «подвижек», адек-

ватно реагируя на вызовы своего времени, о чем свидетельствует, в частности, ее участие в общероссийской полемики.

Необходимо, однако, отметить, что для Западной Сибири, ввиду отсутствия собственной неофициальной периодики (первые частные газеты здесь появились только в начале 1880-х гг.), тема самоопределения печати оставалась актуальной и через шесть лет после основных выступлений участников полемики. Именно поэтому в первой же крупной частной газете Томска – «Сибирской газете» – был поднят вопрос о положении и перспективах развития центра и провинции и роли печати в этом процессе. Газета сочла необходимым озвучить основные положения уже прошедшей дискуссии, не без основания полагая, что среди ее читателей могут быть и те, кто не знаком с поднимаемыми вопросами, и таким образом присоединилась к участникам полемики. Для газеты, претендовавшей на роль выразителя общественного мнения, определение собственной позиции было необходимым, особенно в условиях происходившего в этот период формирования регионального самосознания. Позднее, в 1885 г., эти наработки «Сибирской газеты» оказались востребованными уже в рамках полемики со второй томской газетой – «Сибирским вестником», выступившим в качестве «органа русских людей» и противопоставившим свое виде-

ние процессов, происходящих в России и в Сибири, областной сибирской прессе.

Список литературы

Анисимов К. В. Круг идей и эволюция сибирской прозы начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1998. 23 с.

Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 279–309.

Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т. 2. 516 с.

Список источников

Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 9–10.

Авесов (Потанин Г. Н.) Сибирская фракция писателей по г. Мордовцеву // Сибирь. 1876. № 5, 6.

От редакции // Сибирская газета. 1881. № 1.

Центр или провинция? // Сибирская газета. 1881. № 40.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2010

N. V. Zhilyakova

«CENTER OR PROVINCE?» REGIONAL DISCUSSION IN SIBERIAN PRESS IN 1870–1880th

The article places and analyzes the material of all-Russian polemics about the role and place of province press and the response of Siberian press to it in the end of XIXth century. It allows to appraise the contribution of Siberian journalists into understanding of development processes in the local press. It offers the review of the main publications in the article and discovers the aspects of problem field formation in the regional concept of press.

Keywords: journalism, Siberia, regional consciousness.